

На самом деле у Хэ Сижаня была вилла в горах. Она была убрана очень хорошо, постельное белье было мягким, а холодильник был полон еды. Выяснилось, что за те пять дней, что Су Ань был в бегах, хотя Хэ Сижань ничего не сделал, он прямо послал людей разобраться с этой виллой.

В это время Су Ань вошел в темную комнату. В ту ночь он заснул из-за истощения. Когда он проснулся на следующий день, плотные шторы полностью закрыли солнечный свет, и в комнате было темно. Су Ань вяло моргнул, и после того, как сонливость улетела, только тогда он понял, что что-то не так.

Он посмотрел влево и вправо, затем поднял руки, только чтобы обнаружить, что его руки связаны по бокам, и он не может ими пошевелить.

Су Ань: «...»

Этот псих совсем сошел с ума?

Су Ань боролся, но не мог выбраться. Он посмотрел вниз и увидел Хэ Сижаня, аккуратно сидящего в конце кровати с какими-то серебряными инструментами, которые выглядели не очень хорошо.

— Дядя, — сглотнул Су Ань и хрипло спросил, — что ты делаешь.

Как только он закончил говорить, он увидел что-то на своей лодыжке. Если присмотреться, то на его лодыжке нарисована синяя бабочка, похожая на настоящую.

Крылышки слегка хлопают, осанка распускающаяся, красивая как у феи.

Су Ань пошевелил ногой, что это?

Хэ Сижань прижал его лодыжку и легко сказал: «Это место очень красивое и подходит для татуировки».

Су Ань только почувствовал холодок в костях и подсознательно отступил.

«Не двигайся». Хэ Сижань поднял веки и взглянул на него.

Не в силах вразумить психически больного человека, Су Ань мог лишь мягко уговорить его, ведя себя с ним как избалованный ребенок, притворяясь жалостливым, пытаясь раскачать железное сердце Хэ Сижаня: «Дядя, я боюсь боли».

Хэ Сижань нежно погладил лодыжку Су Аня нежными движениями: «Это скоро закончится».

Чэн Суань посмотрел на него широко раскрытыми глазами, а затем в ужасе отпрянул. Его глаза были покрыты слоем туманного водянистого света: «Нет...»

Хэ Сижань уже начал собирать инструменты.

Су Ань рыдал и хныкал все это время, и ни капли слез не упало. На самом деле он не так чувствителен к боли, но похоже, что он действительно пристрастился притворяться хорошим, и Хэ Сижань любит есть это покрытие.

Татуировка на его ноге - рука великого художника, он даже не знал, чего она стоит. Су Ань взглянул на него краем глаза и почувствовал, что это очень красиво.

Как и ожидалось от Хэ Сижаня, с которым он спал.

Хе-хе-хе, я напишу этот отчет в своем маленьком блокноте.

Голос Су Аня был хриплым, и после двухчасового плача он был почти обезвожен до такой степени, что не мог говорить. Хэ Сижань перевязал его рану и вздохнул, затем встал, чтобы дать ему воды.

Су Ань с тревогой сделал несколько глотков, а затем обиженно посмотрел на него: «Я хочу в туалет».

Голос у него был неприятный, он поджал губы и опустил голову, и его белый лоб был неудобно прижат к подушке.

Хэ Сижань развязал ему руки, затем поднял Су Аня и направился в ванную. Руки Су Аня свободно лежали у него на плечах, затем он шмыгнул носом и спросил: "Дядя, почему Шэнь

Чжансю так боится тебя?"

Он по-прежнему не забывал задавать вопросы, когда приходил сюда. Улыбка с губ Хэ Сижаня быстро исчезла, а затем он небрежно упомянул: «Потому что он убил мою сестру».

Хе-хе.

Но Су Ань смиренно ничего не сказал. К настоящему времени он в основном собрал все улики и разобрался во всех историях. Но все, кроме него, Су Ань по-прежнему не понимает Хэ Сижаня.

Даже Шэнь Чжансю уже идентифицирован как Чу Хэ. Тогда кто такой Хэ Сижань, которого презирает Шэнь Чжансю?

После того, как Су Аня отвели в туалет, чтобы решить его физические проблемы, Хэ Сижань позволил ему сесть рядом с ванной, а сам грациозно подошел к раковине, чтобы вымыть руки.

Взгляд Су Аня переместился на его руку. Суставы четкие, и каждый сустав был подобен работе скульптора после кропотливых усилий. Руки Хэ Сижаня действительно красивы. Просто взглянув на руки, можно представить, насколько спокоен и рационален хозяин.

... это спокойствие и рациональность теперь является оскорблением.

Хэ Сижань отнес его обратно к кровати, а Су Ань по-прежнему все время послушно обматывал его шею. Он думал, что его больше не свяжут, но кто знал, что Хэ Сижань неожиданно потянет его за руки и пойдет дотянуться до ленты на каркасе кровати.

Голос Су Аня дрожал: «Дядя, ты все еще хочешь связать меня?»

Тон Хэ Сижаня был спокойным: «Ты убежишь, если я тебя не свяжу».

«...» Су Ань наконец-то понял, что имел в виду Шэнь Чжансю, говоря, что не болел 37 лет, и в тот момент, когда заболел, он испугался бы еще больше. Он прищурил глаза и обвил руками шею Хэ Сижаня: «Я не хочу, я хочу обнять тебя».

Хэ Сижань беспомощно вздохнул, затем потянулся, чтобы взять Су Аня за руку, и, казалось, хотел разнять их. Су Ань торопился, поэтому поднял голову и поцеловал его. Он высунул язык и неопределенно сказал: «Дядя, поцелуй меня».

Он изо всех сил пытался удержать человека, но Хэ Сижань какое-то время не двигался. Когда Су Аня уже стало холодно, чья-то рука схватила его за затылок, и Хэ Сижань яростно перехватил инициативу и задушил Су Аня поцелуем.

Наконец наступила весенняя ночь.

Когда он снова проснулся, Су Ань просто тупо моргнул. Он хотел встать, но вдруг обнаружил, что его руки все еще привязаны к кровати, и диапазон его движений — только эта кровать.

Хэ Сижань все такие связал его. Лицо Су Аня было слегка искажено, и он почти сердито рассмеялся.

Его перебил человек-собака.

Несколько дней подряд, помимо решения своих физических проблем, Су Ань был прикован к постели. На вилле было тихо и не было прислуги. Хэ Сижань был единственным человеком, которого Су Ань видел каждый день, и только голос Хэ Сижаня был единственным звуком, который он мог слышать.

Хэ Сижань не давал Су Аню ничего вроде телевизора, мобильного телефона и других вещей, которые приносили бы ему новости о внешнем мире. Только бумажная книга может развеять его скуку. Су Ань долго перемалывал его, прежде чем он наконец смог пройтись по всей вилле.

В тот день, когда он вышел из спальни, Су Ань почувствовал, что больше не может ходить. Его ноги были слабыми, и ступать по полу было все равно, что ступать по облакам. Гостиная просторная и светлая, окна светлые и чистые. Су Ань был ошеломлен на некоторое время, затем повернулся и улыбнулся Хэ Сижаню: «Дядя, я так счастлив».

Хэ Сижань внимательно посмотрел на него, выражение его лица было таким, как он сказал, он был счастлив без тени обиды на Хэ Сижаня или желания сбежать.

— Эн, — уголок рта Хэ Сижаня легко скривился, — иди есть.

Обеденный стол уже ломился от роскошных блюд. Су Ань ел с удовольствием, с яркой улыбкой в уголках рта. Время от времени он давал Хэ Сижаню блюдо палочками для еды, сопровождая его ласковыми робкими глазами.

Су Ань много раз тренировал свое зрение перед зеркалом за последние несколько дней. Он может гарантировать, что действительно выглядит так, будто был влюблен в Хэ Сижаня. Он будет стесняться из-за его поцелуев, и он будет счастлив из-за того, что он с ним.

«Дядя, — Су Ань поставил посуду в посудомоечную машину после еды, краснея, — я тоже умею готовить, позволь мне приготовить тебе следующую еду, хорошо?»

После того, как Хэ Сижань вымыл руки, он взял полотенце, чтобы вытереть воду, но сразу не согласился.

Су Ань обнял его за талию, его рост был 1,70, но он полностью превратился в маленькую птичку, полагающуюся на человека: «Дядя, я хочу, чтобы ты попробовал еду, которую я приготовлю».

— Хорошо, — наконец согласился Хэ Сижань, его сердце смягчилось, — сегодня днем кто-нибудь пришлет ингредиенты.

Су Ань закатил глаза с улыбкой, и он был счастлив в своем сердце.

После первой уступки следующий шаг будет далеко позади?

Той ночью Хэ Сижань съел еду, которую Су Ань приготовил сам. Хотя он ничего не сказал, Су Ань заметил небольшую разницу, настроение Хэ Сижаня стало явно счастливым.

В те дни, когда Су Ань был заперт, его сладкие слова не счесть. Глаза его были чисты, выражение лица серьезно, и говорил он так, как будто это была истинная исповедь, и обыкновенно он краснел первым.

Под этой невидимой засахаренной оболочкой чистая прибыль Хэ Сижаня постепенно снижалась. В воскресенье, в солнечный день, Су Ань был в хорошем настроении, напевая песню, он прыгал в рубашке Хэ Сижаня и был очень доволен, когда посмотрел в зеркало.

Он подумал, разве не все мужчины такие? Он посмотрел на себя в зеркало, в белой рубашке и с длинными ногами, лицо его было румяным и блестящим, а гладкие кости стройными и аккуратными.

Сегодня он полностью уничтожит Хэ Сижаня и покинет эту чертову горную виллу как можно скорее.

Хэ Сижань был в студии. Су Ань остановился, подойдя к двери студии. Немного подумав, он скомкал белую рубашку на теле, прежде чем толкнуть дверь.

Хэ Сижань рисовал с сигаретой во рту. Услышав звук, он поднял голову, затем глаза его застыли неподвижно, и он не мог оторвать глаз.

Су Ань застенчиво улыбнулся, затем прошел перед холстом и сел рядом у окна: «Дядя, тебе сегодня нужна модель?»

Он слегка скрестил свои белые ноги и застенчиво улыбнулся. Его пушистые волосы были немного длиннее и закрывали брови Су Аня.

Глаза Хэ Сижаня потускнели, и он продолжал кружить вокруг тела Су Ань. На подростке было только белое нижнее белье и одна из его рубашек. Он был покрыт только наполовину, и его чистая улыбка была направлена на Хэ Сижаня.

Прозрачное окно позади него преломляет разноцветный солнечный свет, затем их взгляды пересекаются, и весь он ощущает вкус Хэ Сижаня.

Есть также неоднозначные синие и красные следы, оставленные Хэ Сижанем на его теле.

Хэ Сижань облизал пересохшие губы, опустил глаза, затем снял мольберт с чертежной доски и положил бумагу на место: «Ложись на диван».

Су Ань подошел и увидел белую кружевную марлю на столе рядом с ним. Как только пришла мысль, он тут же двинулся и принес кружевную марлю.

Когда Хэ Сижань снова поднял голову, он увидел Су Аня, лежащего на диване, окруженного только слоем кружева.

Его рубашка и нижнее белье были небрежно отброшены в сторону, и Су Ань, манекенщик, наконец-то выполнил свои обязанности.

Голый, полуголый, он сделал все это.

Сама картина туманна. Солнце освещает тело Су Аня, а кружевные впадины отбрасывают на пол пестрые тени, настолько идеальные, что остается только слово «натуральный».

Хэ Сижань передвинул карандаш в руке, и кончик карандаша остановился перед холстом.

На расстоянии примерно трех-четырёх метров высокий мольберт закрывал половину лица Хэ Сижаня. Эти глаза смотрят на Су Аня, когда он на мгновение опустил голову, и время тихое и спокойное.

Этот рисунок тела длился четыре часа. Су Ань, лежавший на диване, собирался заснуть. Солнце переходило от высокого к низкому, от яркого к теплому желтому, затем Хэ Сижань внезапно сказал: «Хорошо».

Су Ань немедленно восстановил свою энергию. Одевшись, он подбежал к Хэ Сижаню: «Дядя, дай мне посмотреть, что ты нарисовал».

Хэ Сижань опустил холст, чтобы он его не видел: «Вернись и надень штаны».

Су Ань неохотно вышел, затем внезапно обернулся, подойдя к двери: «Дядя, не хочешь пойти на свидание в следующие выходные?»

Он много болтал и перечислял все действия, связанные со свиданиями. Прежде чем он закончил говорить, Хэ Сижань кивнул, как будто нетерпеливо, он сказал: «Выйди».

Су Ань послушно закрыл рот и вышел с улыбкой.

После его ухода в студии снова стало тихо. Хэ Сижань некоторое время молча сидел и поднял ткань на чертежной доске.

Бумага чистая, без штриха.

Хэ Сижань закурил сигарету и посмотрел в сторону окна.

Эти четыре часа он смотрел на Су Аня.

Автору есть что сказать:

Ой ой ой

<http://bllate.org/book/15646/1398805>